

ДИАДОХИ

КАРТИНЫ ГИБЕЛИ
МАКЕДОНСКОЙ
ИМПЕРИИ

АЛИШЕР КАНАЕВ

18+

Алишер Канаев
Диадохи. Картины гибели
македонской империи

<https://litres.ru/74051989>

SelfPub; 2026

Аннотация

Диадохи. Картины гибели македонской империи.

Это исторический роман, охватывающий первые 6 лет после смерти Александра Македонского, когда его военачальники, недавние друзья и сподвижники, начали жестокую и беспощадную войну между собой за власть, похоронив без остатка его мечту о всемирном государстве. Все события, включая небольшие анахронизмы, имели место в истории.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Алишер Канаев

Диадохи. Картины гибели македонской империи

Глава 1

К ночи 28 даисия по македонскому календарю Александр умер. Огромный Вавилон , с вечера наполнившийся влажной прохладой , затих в томительном ожидании. Буря всевозможных слухов , необыкновенных сплетен , возникающих надежд и несбывшихся упований сменилась ужасом , словно каждый из жителей миллионного города ощутил личную ответственность за смерть счастливейшего в мире царя.

Обыкновенно многочисленные и подвижные в ночные часы вавилоняне попрятались по домам , молясь у настенных изображений богов о благополучии и безопасности для себя и детей , лишь редкие прохожие торопливо пересекали широкие улицы , стараясь не попасть на глаза насупившихся македонских патрулей. Богачи сносили драгоценности в тайные подвалы и облекались в траурные одежды. Угрюмые жрецы , пожимая плечами , скрывались в храмы. Халдейские медики не сумели спасти Александра , и были осно-

вания опасаться теперь ревнивых греческих прорицателей и философов.

На площади перед развалинами Эсагилы горели костры македонских постов , воины чистили оружие , то ли по привычке , то ли из страха перед будущим. Эллинские наемники , каких было много в войсках , подтягивались к своим казармам , и лохаги встревожено расспрашивали прибывающих. Ничего не было известно , лишь знать собралась в царской резиденции на совет , македонские гетайры подчеркнуто держатся вместе и вооружены , фалангиты обильно пьют по своему варварскому обычаю неразбавленное вино , а начальники таксисов тщетно пытаются войти во дворец , но все входы заняты пешей агемой.

В палатках фаланги царило возбуждение , подогреваемое глухими подозрениями. Внезапность потери притупила скорбь , и солдат охватила истерическая растерянность , близкая к панике или мятежу. Смерть царя , их предводителя , их кумира и отца для простых воинов, всецело зависевших от Александра и привыкших за время походов подчиняться только ему , стала слишком серьезным делом , чтобы доверять честолобию знати. Такого рода события прежде разрешались на войсковых сходах, и пехота, менее затронутая персидской варваризацией , ухватилась за старые македонские обычаи. Однако, никто из знатных гетайров или соматофилаков не поднял тотчас вопроса о войсковом собрании , а то , что начальников таксисов, не принадлежавших

к родовой знати , не пускают во дворец , укрепляло слухи о заговоре против фаланги.

Более всех возмущался волосатый и потный Мелеагр в грязно-сером хитоне с красной полосой и венком в мокрых волосах. Вконец разъяренный собственным красноречием и выпитым вином , он стал потрясать кулаками и выкрикивать ругательства. В ответ , один из гипаспистов стражи угрожающе повел щитом. Друзья оттащили оскорбленного Мелеагра в сторону. Сценка привлекла воинов , и вскоре около Мелеагра собрались фалангиты , знавшие своего командира.

Перед дворцом сидели на корточках персы и как бы в безмерной скорби стонали. Теперь азиаты благоразумно скрылись в темноте.

Площадь все более заполнялась солдатами , многие были вооружены. Колеблющийся свет факелов и зажженных тряпок выхватывал искаженные лица и блестящие части доспехов , пики на плечах задевали гребни шлемов. Гул множества голосов порой замирал , и тогда слышно было влажное дыхание сотен людей и глухой стук щитов, скрипела кожа военных курток. Шипело в пыли пролившееся вино. Затем вновь толпа возмущенно шумела. Никто не имел ни решимости проникнуть во дворец , ни руководителей , кто мог бы их на это подвигнуть. Многие стояли на месте , не зная , что предпринять , другие разыскивали командиров , выкрикивая их имена , малодушные прятались , отважные призывали к штурму. Все смешалось , и зловещий гул , разносясь далеко

по городу , заставил трепетать сердца жителей , забившихся в свои глухие дома , где окна выходят во двор , а двери покрыты пятнами уличных нечистот.

Глава 2

Сразу вслед за последним вздохом царя , самый приближенный к Александру , командир гвардейской Первой Гиппархии Пердикка отпрянул , крепко сжав в руке перстень , переданный ему как «достойнейшему». Он выпрямился , высокий и узкобедрый , надменно обводя взглядом собравшихся высших военачальников - соматофилаков , знатных гетайров и предводителей отрядов , и кивнул , давая понять , что все кончено , и преемник выбран.

На возвышении распростерлось тело царя , укрытое пурпурным плащом , справа стоял высокий трон , на котором лежали скипетр , диадема , меч , панцирь и щит Александра. За троном находилась узкая дверь , ведущая в покои Роксаны , а оттуда , через сеть замысловатых переходов и к фиолетовым воротам Иштар , и к берегу реки. Противоположно трону , на другом конце зала располагался главный вход , по обеим его сторонам вздымались чешуйчатые единороги со скорпионьими хвостами. Фигуры были из чистого золота. Пол зала был украшен мозаикой со сценами охоты и любви , танцев и битв , занятиями , коим предавались в былые времена цари «четырех сторон света» могучего Вавилона , города бога Мардука , обитавшего на вершине зиккурата Этеменанки.

Но теперь , семиярусная башня с домом бога была разрушена по приказу Александра Великого , а мозаику попирали белые сандалии македонцев и эллинов , покоривших мир. Здесь собрались сейчас аристократы с дубленной пожарной городов кожей , знатные происхождением и знаменитые подвигами. Со смертью Александра перед каждым из этих храбрых и , по большей части , молодых еще людей вставал вопрос – кому быть восприемником и кому остаться подчиненным. Ни один не уступал другому в доблестях , и каждый испытывал сейчас взлет необычайного честолюбия , возвращенного годами побед и царской ласки. Но исчез центр их притяжения и гарант их благополучия , и скрытая и оттого неумная ревность , которой умело пользовался Александр , была готова выплеснуться наружу. Вот почему , сохраняя видимость почтения , никто не воспринял передачу перстня умирающим царем , как окончательное решение , а самого Первого Гиппарха , как достойнейшего восприемника.

Первым заговорил красивый как сам Александр , соматофилак Птолемей , сын Лага. Среднего роста , подтянутый , он казался выше , и всегда ходил с гордой головой. Но высокомерия в нем не чувствовалось , и за это его любили простые воины , и уважали сподвижники. Доступный и доброжелательный , с легкой иронией в уголках рта , он обладал той долей очарования , которая позволяет отказать без обиды и убедить без досады. Поговаривали , что он родственник ца-

ря , и даже его родной брат. Сам Птолемей таких разговоров не поддерживал , но при случае всегда подчеркивал свое удивительное сходство с Александром. До смерти ближайшего друга , или как сплетничали недруги , любовника , царя – Гефестиона , Птолемей был несколько в тени на пирах , но одним из первых в бою. Он , наряду с Эвменом-кардианцем , более всех пожертвовал на похороны Гефестиона , был все время рядом с безутешным Александром , искренне и красиво рыдал.

Теперь он выступил вперед и , слегка оправив безупречную складку гиматия , произнес:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.